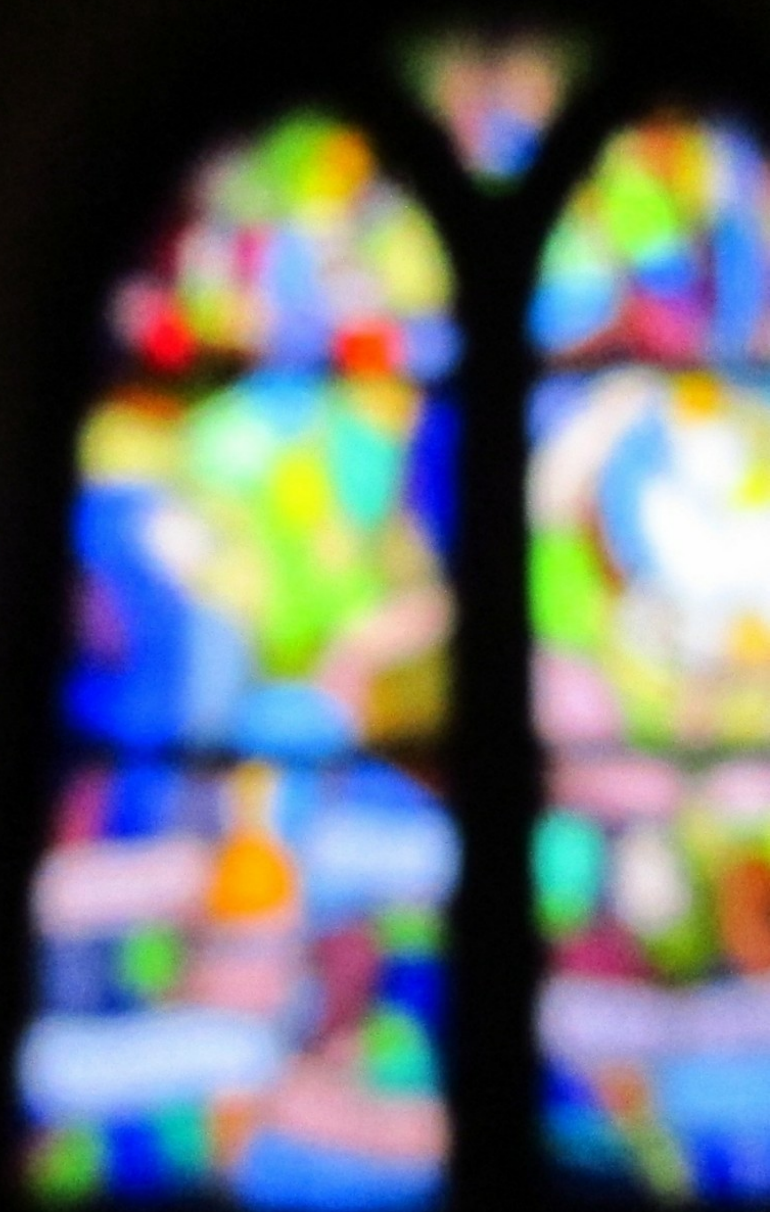

Одран Нюктэ

ОРДЕН ПРОМЕТЕЯ

Одран Нюктэ
Орден Прометея

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Нюктэ О.

Орден Прометея / О. Нюктэ — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Небольшая фэнтезийная повесть об иных краях. Мрачное средневековье. Город раздирают конфликты. За власть борются несколько группировок. Прочтите и узнайте, кто победит.

Содержание

1 из 6	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

1 из 6

ОРДЕН ПРОМЕТЕЯ

25.07.2006

– Готов ли ты принять новое имя?

– Надеюсь, оно благозвучное?

– Зачем тебе?

– Имя должно быть достойно человека.

– Человека?.. Человека? Человека?! Забудь! Ты и люди теперь враги навсегда!

– Высокие лорды, я ваш слуга?

– Нет. Ты – наш брат. Наш новорожденный младший брат.

– Я – ходячий мертвец, я – изгой, но это ни в какое сравнение не идет с мукой кровожадности...

– Но наш дар послан в удовольствие, не в наказание. Впрочем, некоторые несчастные братья умудрились превратить его в таковое...

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРАВИТЕЛЬ РОТЕБУРГА

Граф Ульш Ротмунд правил в местечке Ротебург с незапамятных времен. Имя его полностью звучало Юлиус, но народу сложновато было выговорить, и они переделали его на свой лад. Почему с незапамятных? Даже в архивах аббатства Вольфгартен не находилось сведений ни о каких других правителях, кроме него, а аббатству стукнуло триста лет в позапрошлом году, не говоря уж о фундаменте храма, свидетеле язычества. Любители поставить все на твердую почву рационализма наверняка нашли бы, как объяснить такую странность, например тем, что все представители рода Ротмундов носили одно и то же имя, что в семье рождались только мальчики, или что Ротмундов не существует вовсе, это лишь удачное прикрытие для ловких мошенников. Но, на нашу беду, в Ротебурге таких рационалистов не было.

Ротебург стоит посреди лесистой равнины, с востока защищенной холмами. Населяют его простые люди, нечто среднее между дельцами-мастеровыми и разбойничьей вольницей. Как гласят легенды, вначале было перепутье, где собирались раз в месяц крестьяне окрестных деревень, чтобы обменяться товарами своих промыслов. Об этом пронюхали бандиты и регулярно совершали на эту импровизированную ярмарку набеги. Крестьян это достало, и они наняли для охраны уже порядком разросшегося рынка рыцаря Ульша Ротмунда, которому доверили набрать ватагу умелых воинов. Ульш с задачей справился и даже выстроил дозорную башню. К башне потом прилепили небольшой деревянный форт. Когда денег от бойкой торговли прибавилось, а на земли позарились соседи-феодалы, деревянное укрепление стало каменным, а рыцарь Ульш – местным графом. Со временем рыночная площадь превратилась в центр богатой деревни, а деревня, спустя лет пятьдесят, – в полноценный город. И дела обстоят так уже лет четыреста. Город свой ротебуржцы называют просто Город, и делится он на три квартала: Хвост, Грива, а посередине – Всадник. На вопрос приезжих: 'а где же лошадь?' шутники отвечают: 'ускакала'.

Одним словом, прогресс налицо. С развитием важных феноменов экономико-социального свойства, как то: больница, церковь, суд и гильдии мастеров, – и без того свободные и полноправные граждане города возжелали узреть своего правителя и обсудить с ним форму своих отношений. Горячие головы даже поговаривали о выборе губернатора. Было это лет сто назад. Охранять город от нападения кого бы то ни было стало излишним, разбирать преступления – ведение суда, а налоги собирать можно и городскому Совету, он же и решит, на какие нужды потратить деньги. Короче, Ульш чуть было не получил отставку за ненадобностью. Рука помощи протянулась совершенно с неожиданной стороны – от представителей Святой Церкви.

Почему с неожиданной? Про Ульша горожане открыто говорили, что он – вампир. Скрывать сей факт он и не стремился, но пожаловаться на него никто не мог – не на что. На людей он не кидался, младенцев не воровал, кровь молоденьких девиц не пил, вел самый что ни на есть скромный образ жизни, был честным малым и верным хранителем города. Естественную по своей вампирской природе жажду крови удовлетворял, довольствуясь домашней живностью и казненными преступниками. Кстати, последнее обстоятельство имело решающее значение для снижения преступности в городе практически до нуля.

Жить бы под сенью замка Ротмунда да радоваться, но нет: горожане терпели свое соседство с Ульшем исключительно на период неспокойного междоусобия. Ротебург и Хольцштаттская равнина относились к королевству Эрбенгот, а при дворе который год не могли утихнуть споры за трон. Покойный король Густав был любвеобильным мужчиной и оставил пятерых сыновей от двух своих официальных жен и четырех, рожденных вне брака. Пока они и их потомки боролись за корону, в стране не утихали стычки между партиями наследных принцев, вплоть до раскола в регулярной армии и начала затяжной гражданской войны. Но вот, наконец, законный наследный принц Эрих, отправил на тот свет большинство своих родственников, и в стране воцарился мир.

И без того процветающий городишко Ротебург воспрял духом, и горожане немедленно послали дорогому графу Ульшу коротенькую записочку, дескать, 'мы, уважаемые и достойные граждане Ротебурга, от лица всего населения города и с их полного согласия приказываем в течение суток сложить полномочия, собрать вещички и покинуть территорию Ротебурга, удалившись в добровольное изгнание, благодарим за оказанную ранее помощь (см. пп. 2 и 3 Договора о найме на службу от 865 года Эпохи Рассвета) и впредь без особого разрешения Совета Города воспрещаем проникновение на вышеозначенную территорию... охота на диких животных, за исключением обитающих на землях королевских заказников, разрешена... однократная попытка нападения на человека, не повлекшая за собой травмирования или смерти данного человека, ограничивается предупреждением... повторное нападение, травмирование и/или гибель потерпевшего караются согласно положениям Хартии Вольного Суда города Ротебурга по всей строгости закона Королевства Эрбенгот'.

Записочка немало позабавила графа Ротмунда, поскольку являла собой яркий образец бумагомарания. Назвать эту писульку документом, обладающим юридической силой, язык не поворачивался. Подписи видных горожан были на месте, но отсутствовала его, графа, личная печать для указов, а посему, пока он еще полноправный господин земель, согласно п. 1 'Договора...', пусть хоть двадцать раз объявляют приговоры, по тем же самым Законам Королевства Эрбенгот они ничего не значат. Для его изгнания им понадобятся куда более веские причины, нежели простое желание. Перечитав пару раз послание, Ульш не поленился написать ответ, в котором под сладким соусом смирения предложил обсудить условия на собрании в приемном зале своего замка, куда пригласил составителей этой филькиной грамоты.

Горожане, конечно, могли сыграть нечестно. Если бы им очень-очень хотелось избавиться от графа Ротмунда, они могли бы выбрать два пути – подослать наемного убийцу либо сфабриковать обвинение в преступлении. Потому, готовясь к совещанию, Ульш с натянутой улыбкой на тонких губах, облачаясь в бархатную черную мантию, не позабыл пристегнуть к поясу верный мирисийский клинок, выручавший его не одно столетие и в сражениях, и на темных перекрестках. Таких мечей сейчас уже не делали, секрет был утерян, пожалуй, задолго до рождения самого рыцаря Ульша. Это был клинок его прадеда – острый, легкий, гибкий, прочный, надежный. Обычно меч хранился в ларце красного дерева в опочивальне и покидал пределы своего упокоения лишь в особых случаях, а пределы ножен – и того реже. Граф Ротмунд любил посоревноваться с дворцовой стражей в искусстве владения холодным оружием, но для этого у него был простой короткий стальной меч. Свой же марисийский клинок (по названию провинции далекой страны Ашака-Нир, о которой у графа, как и у большинства эрбенготцев,

были весьма смутные представления) он не то что ценил на вес золота, считал даром Фортуны и гарантией своей, в общем-то, безбедной жизни, но полагал, что в нем заключена часть его собственной, по уверению священников, потерянной души.

Совещание закончилось под утро. В открытую никто против графа Ротмунда идти не хотел. Ротебуржцы, уже порядком забывшие, как вообще выглядит их правитель, а многие, даже сомневавшиеся в его существовании, убедились, что он вовсе не выживший из ума душевнобольной и не звероподобный монстр с затуманенным жаждой крови мозгом. Граф Ульш Ротмунд оказался умным и талантливым политиком, спокойным и рассудительным. Выглядел он своеобразно, но не отталкивающе, и, уж тем более, в его внешности не было ничего от мамкиных баек, которыми страшают на ночь детишек Ротебурга уже не один десяток поколений. Его можно было бы даже назвать красивым, но мороз по коже пробежал от его красоты. Он не производил впечатления дряхлого и немощного старца, каким должен бы быть, судя по его внушительному возрасту. Время застыло для него. Резкая складка, очерчивающая рот, пепельная седина, старый шрам – вот всё, чем одарило его время.

К его описанию очень подходило слово 'средний': среднего роста, на вид – среднего возраста, среднего телосложения, волосы средней длины, даже лицо какое-то среднее, незапоминающееся. Запоминались только глаза – прозрачные, с непривычным, бледно-красным цветом радужки, влажно-блестящие, чуть выпуклые, казалось, фантастически огромные и манящие, завораживающие. А когда он говорил, невольно взгляд приковывал к себе его рот. Если бы в зал тогда пришел инквизитор и спросил бы у собравшихся людей, что они чувствуют, то они бы в один голос ответили, что граф-де наверняка наложил на них какие-то чары. Короче, одного вида Ульша было бы достаточно для наскоро состряпанного обвинения во всевозможных 'сношениях с Нечистым'. Но народ собрался деловой, здраво рассудил, что этому дяденьке пальчиком грозить не стоит, неровен час, откусит: загнанный в угол, успеет захватить с собой в Царство Мертвых немало добрых ротебуржцев, – и задумался о заключении нового договора на новых условиях о разграничении полномочий графа и выборных представителей общественности.

Всю кашу чуть было не испортил тогдашний судья. Он затеял с графом полемику на счет земельного права и сроков валидности древних документов. Суть разногласий сводилось к тому, что судья не признавал значимости того самого 'Договора о найме...' от 865 года, утверждая, что за прошедшие три столетия сильно изменились сами люди, их менталитет и цели, а потому такие древние обязательства теряют цену и лишь тормозят дальнейшее развитие общества. Затем спор скатился до угроз, что ежели граф немедленно не уберется вон, то у судьи есть связи при дворе и одного росчерка пера будет довольно, чтобы стянуть к замку войска. Не будет же граф воевать с целой армией? Или он вырастил себе на защиту полчища гнусных кровососущих тварей?! Далее речь судьи и вовсе растеряла видимость взаимной вежливости, унизившись до матерной брани. Горожане с ужасом наблюдали за нападками судьи, не зная, что и делать – мешок на голову, на двор и в колодец?.. но другого сведущего в Законе человека в городе не было. Да и неловко как-то, все-таки пожилой уважаемый гражданин... Ждать, пока у графа лопнет терпение, тоже не хотелось, слишком уж зыбкими были и молодыми демократические принципы этого поколения горожан, а затаенный страх перед неизведанным – слишком силен. Выручил всех священник часовни святой Катарини-Молельщицы. Он взял слово, и всем стало значительно легче. 'Как скажет – так и поступим' – мысленно решили ротебуржцы.

'Церковь своего не упустит!' – отметил про себя Ротмунд, забавляясь всеобщей сумятицей и кислыми лицами горожан. Явной сиюминутной опасности он не чувствовал, а выкрики разъяренного судьи его не волновали. Он давно наблюдал за 'брожением умов', он следил за ростом и бурным развитием города, в конце концов, он слишком долго жил на этом свете, чтобы не понимать, кто на чьем поле играет из здесь присутствующих, и что в корне всех, пускай чисто политических или религиозных на первый взгляд конфликтов, лежит золото, много

червонного звонкого золота. Он был абсолютно прав. В этот раз причина крылась в борьбе за управление налогообложением. Если бы налоги контролировал не граф, которому деньги в личное пользование как-то и ни к чему были, всегда оставалась бы лазейка для утечки и составления баснословного капитала. Можно повысить налоги. Придумать новые. Народ все стерпит, им можно сочинить мудреное обоснование возникновения новых налогов. Граф воочию представил тонущую в пустоте цепочку сменяющих друг друга взяточников, наживающихся за счет обворованных налогоплательщиков. Грустно покачал головой. Он, может быть, и 'гнусный кровопийца', но до сих пор не был в тягость никому, кроме самого себя. Нет, уходить запросто, по первому требованию какого-то самодура он не собирался. Но надо было выждать, не сорваться. И он внимательно выслушал поднявшегося отца Бенедикта.

Священник убедил всех в том, что наилучшее решение – разрешить рыцарю, графу Ульшу Ротмунду, призванному в 865 году охранять поселение Ротебург и управлять его хозяйственными, законодательными, судебными и военными делами, владеть замком Ротмунд и проживать в нем, а также пользоваться свободой передвижения, ведения частной переписки, торговых операций и т.п. и т.п. Следует также признать его почетным гражданином Ротебурга, дабы в должной мере оценить его заслуги как мудрого руководителя, вполне оправдавшего возложенные на него надежды. Также необходимо отметить его бесспорный талант в урегулировании разногласий и распоряжении налоговыми сборами, посему граф Ульш Ротмунд продолжит заниматься этими богоугодными и человеколюбивыми делами. То есть, официально рыцарь Ульш, граф Ротмунд, назначается главным мировым судьей города Ротебурга и начальником налоговой полиции. Также он является полноправным хозяином в своем замке, в рамках законов Королевства Эрбенгот, и только ему подчиняется начальник замковой стражи. Но, и это главное, до чего договорились в ту ночь горожане, все остальные дела города находятся в ведении и управлении Совета Города, Святой Церкви и Вольного Суда.

С того дня казнить и миловать, судить, штрафовать, насыщать проклятья и отпускать грехи, клеймить и ссылат, награждать героев и приизирать убогих, планировать строительство города – стало уделом разнообразных гильдий, управлений и ведомств. С одной стороны, ушла лишняя головная боль графа Ульша. Потому как, если все хорошо – ротебуржцы себя не нахвалят, если возникают неурядицы – виноват граф Ротмунд. Но теперь он оказался изъят из общественной жизни города и сильно потеснен подрастающей элитой управленцев. Правда, горевал граф Ульш по этому поводу недолго и несильно. Он оставался значимой, даже легендарной фигурой для Ротебурга, и, главное, его положение упрочилось благодаря непреложному авторитету Церкви. Народ не понял, с какой радости священник выступил на стороне проклятого Богом и лишенного Его милости человека, вынужденного скрываться от всех в крепости, которая стала ему тюрьмой, и только ночь может сгладить его страдания, потому что солнце, друг всех земных существ, несет ему боль и смерть. Пошушукались по углам, посмаковали события и мало-помалу утихли. А Церковь получила полгода спустя положенную десятину. То есть, может, десятина и была явлением обыденным для других городков Эрбенгота, но только не для этого. Здесь Церковь испокон веков пользовалась уважением, но не уплатой мзды. Она существовала исключительно на щедрые пожертвования. И вот те на: десятина! Народ поволновался, конечно, для порядка, но быстро смирился с нововведением...

Да, всё в этом мире продается и покупается. Разве что, кроме братской любви...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЛАЗАРЬ В ГОРОДЕ

Утро было как обычно. Сизые тучи плыли над городом, чуть не задевая брюхом шпиль ратуши. Шел дождь, но и без того промокший до нитки путник не ускорял шаг. Он не ехал верхом ни на лошади, ни на осле. У него и денег не было ни гроша. И везти ему было нечего – все его имущество он нес на себе: серый плащ, узкие черные штаны, сандалии на деревянной подошве, коричневая рубашка. Все самое ценное – за пазухой. Там лежала бумага, заверенная

зеленой печатью со знаками креста и меча. Это было удостоверение личности на имя Лазаря, посланника Великой Инквизиции по особым поручениям. Оно открывало любые двери и развязывало любые языки. Кроме бумаги, еще одна ноша отягощала Лазаря. Да, маленькая металлическая трубка с припаянными барабаном, ручкой и спусковым крючком. Изобретатель сего никогда не вернется домой из казематов Священной Инквизиции, зато Лазарь чуть-чуть приблизился к Богу благодаря этой чудесной вещице. Право выбирать между жизнью и смертью теперь переключало рабу Божьему Лазарю. С вещицей он сдружился и управлялся с ней ловко. Огромным плюсом для него являлось неведение окружающих, что подобная штукавина содержит в себе семь смертей. Да, семь смертей вошли тихим утром в город...

Он остановился в таверне 'Веселящий шнапс', снял комнату на втором этаже и, не позавтракав, отправился на разведку. Его, как приезжего, интересовало всё – кто чем живет, занимается, кто в городе наиболее влиятельные люди, что любопытного происходило за последний месяц. Народ Ротебурга говорлив и ласков с незнакомцами, так как твердо верует в то, что такие прожженные плуты, как ротебуржцы, обведут вокруг пальца любого и поимеют от того немереную выгоду. К обеденному перерыву город облетела весть, что путешественник в сером плаще расспрашивает про осквернителей могил и колдунов. Так как поведать что-либо вразумительное на данную тему горожанам было сложно, они с радостью переключали разговор на начальника налоговой полиции, графа Ротмунда. Ну, и далее, по кругу – про аббатство Вольфгартен, брата Маркуса, доктора Хехта, экзорциста Константина и палача Анри. Далее – о прибытии питейного заведения, будущем урожае, вчерашнем урагане, смешном случае у Восточной заставы... на этом обычно беседа прерывалась, Лазарь благодарил и растворялся в толпе.

Так прошел день. К вечеру пересуды улеглись, о чужаке забыли за свежими новостями минувшего дня. Ночь была сырой, глухой и безлунной. Она поглощала звуки и скрадывала шум. Что творилось той ночью на кладбище Фалленгард – неизвестно. На утро там были найдены три трупа в черных рясах с капюшонами, на груди у каждого был вышит красным шелком череп с оскаленными в крике челюстями. Рядом валялись заступы и лопаты, испачканные в земле. Две могилы были разрыты, из одной наполовину вытащен гроб с телом усопшего. Работа была явно прервана на середине, и неудачливые гробокопатели убиты. Что за неведомая сила застигла их? Ни синяков от удушения, ни следов от ударов дубины, ни ран от кинжала или рапиры. Горожане, разгоняемые полицией, сошлись во мнении, что либо это кара небес, и некромантов поразила молния, либо граф Ротмунд опередил палача Анри и, не дожидаясь суда, прикончил преступников в свое удовольствие. Сошлись на том, что, по-любому, еретики заслужили наказание.

День пролетел незаметно, в обычных хлопотах и делах. Болтали много, но только повторяли и без того скудные факты да досужие вымыслы. На месте происшествия побывали председатель городского Совета Орелий Линтал, начальник сыскной полиции Максимилиан Харт и доктор Тома Хехт. Они осмотрели тела убитых, посоветовались шепотом и оставили все, как есть.

Стемнело. Аббат Маркус с масляным фонарем, как обычно, перед тем, как закрыть главные ворота на ночь, совершал обход сада, что прилегал к часовне Катаринины-Молельщицы. Между деревьями пролетали светлячки, сильно пах шиповник. На синем небе пока не было звезд, но погода обещала быть ясной и солнечной. Все было в порядке, и Маркус уже взялся за тяжеленный засов, как створка деревянных ворот легонько приотворилась. В щель протиснулся незнакомец, с ног до головы закутанный в серый плащ. Не проронив ни слова, он вытащил из-за пазухи бумагу и протянул аббату, но не отдал, а держал до тех пор, пока Маркус, подсвечивая себе фонарем, не прочел ее до конца. Аббат пропустил гостя с вежливым поклоном в сад и закрыл за ним ворота. Молча и быстро они прошли по аллее к приземистому зданию часовни, миновали его и с черного хода спустились в полуподвал, где находилась келья Маркуса.

Они расположились в помещении с низкими потолками, заставленном шкафами с книгами. Келья неправильной формы, напоминавшей вытянутую каплю, чья овальная часть являлась входом, а заостренная – кончалась тупиком, служила сносным жилищем своему хозяину. Лазарь презрительно покосился на жесткое каменное ложе, заменявшее святому отцу постель. Вероятно, оно осталось здесь от какого-нибудь основателя-великомученика. Зачем терзать себя подобным неудобством нынешнему аббату – Лазарь не понимал. Они сели за грубый стол, сколоченный из досок примерно в то же время, что и вытесано ложе. Аббат поставил путнику кувшин кваса и тарелку белого хлеба.

– Отведайте, Посланник, потом – говорите. И если вам позволяет обет, снимите капюшон – я люблю, когда глаза собеседника открыты.

Лазарь отпил немного, отломил краюху, но капюшона не снял.

– Не сочтите за грубость, брат, но я предпочитаю оставить голову покрытой.

– Воля ваша, – улыбнулся аббат, сцепив пальцы и поигрывая костяшками четок.

– Я к вам по поводу свершенного святотатства. Были ли вы свидетелем того, что творилось прошлой ночью? Кладбище Фалленгард практически прилегает к северной стене часовни. Вы слышали ночью крики, шум? Вас не беспокоили сегодня днем расспросами власти, полиция?..

– Посланник, я сплю как младенец! Даже если бы небеса обрушились, я и то не пробудился. Да, ко мне заходили уважаемые господа Линтал и Харт, но, к моему сожалению, ничего путного от меня они не узнали.

– Кто это – Линтал и Харт?

– Председатель Городского Совета и начальник сыска.

– Кто еще пользуется расположением горожан?

– Палач Анри и его сын Константин, экзорцист. Ну, еще доктор Тома Хехт. Они все иностранцы, но живут здесь давно и освоились в городе.

– А как же граф Ротмунд?

– Юлиус?.. – монах на секунду показался смущенным.

– Да, рыцарь Юлиус Ротмунд. А вам известен еще какой-нибудь Ротмунд?.. Насколько я знаю, он один-единственный. Хотелось бы подробнее услышать о нем от вас, служителя культа. Поговаривают, вы с ним очень близки, чуть не каждую ночь навещаете друг друга?.. правда, он нашел ключи к сердцам всех, кроме Анри Клодена?

– Его прозвище в народе – Тень Палача. Так уж повелось испокон веков в нашем благословенном городе, что рыцарь обладает правом присутствовать при казнях преступников и... утолять свою жажду их кровью. Предшественники Анри почитали это за благое дело и устоявшийся ритуал. Клодену, приехавшему сюда лет пятнадцать тому назад, это показалось диким варварством, и, в общем, не нашли они общего языка. Они в ссоре. Дошло до судебной тяжбы при последнем, на моей уже памяти, исполнении смертного приговора.

– Да? И что? – оживился обладатель серого плаща.

– Да ничем закончилось. Суд принял соломоново решение, и арестованный не достался ни одному из них.

– Как?

– Его отослали на каторгу, на Унтермагенские рудники. Там и сдох.

– Где его можно найти, раз тут больше никто не нарушает закон, и у него нет работы по специальности?

– В мясной лавке. Анри мастерски рубит говядину.

– А его сын тоже мясник?

– Нет. Я же сказал: он – экзорцист, изгоняет злых духов, вселяющихся в тела людей. Кстати, они с доктором Хехтом работают на пару. Являются к семье болящего и предлагают

свои услуги. Бывает, что родственники не доверяют медицине, но убеждены в дьявольской природе заразы, и тогда...

– А вы? Какого вы мнения?.. – быстро перебил его Лазарь.

– Я-то?.. На всё Воля Божья, Посланник, – смиренно вздохнул Маркус.

– Вернемся к первоначальной теме нашего разговора. Как часто вы видите с графом Ротмундом, что обсуждаете и как так получилось, что священник общается с нечестивцем, нежитью?..

– Кхм, – Маркус натянуто заулыбался и закашлялся. – Нет, вы не ошибаетесь, но, согласитесь, Юлиус столь уникален... Не слыхивал ни о ком подобном. Удивительнейшее и чарующее создание... Не следует сваливать на сатанинское вмешательство любое отклонение от нормы в нашем мире. Не почтите за свободомыслие, Посланник, но граф Ротмунд ни в коем случае не злонравный мертвец и не язычник, не богохульник!

– Что же, он – добрый прихожанин? Его никто и никогда не видел на службе в храме!

– Но, Посланник, он не виноват в том, что не выносит солнечного света. И он не так богат, чтобы ежедневно выезжать в закрытом экипаже к обедне и иным службам. И он не желает причинять неудобства тем людям, что окажутся с ним под одной крышей. Он горько шутит, что любовь горожан крепка на расстоянии. Вблизи в их душах побеждает страх.

– Не хотите ли вы доказать, что этот страх безоснователен? Или, что я суеверен и глуп?

– Нет-нет, Посланник! Как можно! Страх – древний и неизжитый враг человечества, но его происхождение – от незнания. Чем больше мы знаем об окружающем, чем мы образованнее, тем меньше в наших душах страха.

– Отрицаете ли вы, что Бога следует бояться?.. – лукавой лисой нырнул в разговор Лазарь.

– Бог – это Любовь, Посланник. Хотите вы или нет, но я и пастве своей повторял, и вам скажу: чем меньше в душах людей страха, тем они сильнее и добрее, тем они ближе к Создателю.

– Враг не ведал страха, когда пошел войной против Бога. То, что вы проповедуете, недалеко от ереси. Бойтесь, брат. Только страх может вернуть вас к смирению, в лоно Церкви. Не Юлиус ли вселил в вас эти суетные мысли? Не он ли смутил ваш разум, посеял темную веру в безграничные возможности человека?.. Вы и я – всего лишь творение Божье, часть Его замысла, и выше нам не подняться.

– Это мои собственные мысли. Не впутывайте в нашу беседу имя Ротмунда. Я думал точно так же и до того, как стал главой прихода и поселился при часовне Святой Катарины-Молеельщицы.

– Но он утвердил вас в ереси. Настолько, что я вижу в ваших глазах твердую решимость сражаться. Расслабьтесь, Маркус, – Лазарь улыбнулся из-под капюшона и похлопал его по плечу. – Я не за тем приехал в Ротебург, чтобы предать вас в руки моих братьев. Все, что я сказал, – мое дружеское предупреждение. Мне интересен граф Ротмунд. Вы утверждаете, что он – вовсе не легендарный кровопийца, не восставший из могилы чернокнижник?.. Кто же он, по-вашему?

– Мы говорили с Хехтом... Он ведь приехал в Ротебург ради него, когда был еще почти студентом, подающим надежды молодым врачом. Из самой столицы королевства! Бросил практику, сулившую деньги и карьеру, признание и славу!

– И что?

– Вот уже десять лет здесь живет, только его исследование за это время не продвинулось ни на йоту... он считал и считает, что Юлиус Ротмунд болен. У него редкая хроническая, вяло текущая и неизлечимая инфекция в организме. Она-то и есть причина его странностей и ни с чем несравнимого долголетия. Но Тома может лишь описать признаки. Истинная этиология ему неизвестна. Хехт убежден, что причина кроется в крови, в ней что-то не так. Но вот что? Доктор бьется над разгадкой с тех пор, как приехал из Лот-Лореана.

– Действительно ли граф отгородил себя от всех прочих людей и скрывается в собственном замке?

– Ну, затворником его назвать сложно! Что-что, а погулять он любит и всегда в курсе всех событий. Да, днем, за исключением нескольких из ряда вон случаев, он не покидал своего убежища, но только сумерки стугаются, и ночь упадет на землю, – Юлиус отправляется в путь.

– Он что-то ищет? Или кого-то?..

– Он навещает знакомых, а это – я и Хехт. Бывает, заглядывает в трактир 'Под серебряной лозой' – там всегда собираются сплетники округи и странники из разных земель. Известия из первых рук, свежие и достоверные.

– Зачем ему это?

– О, не смотря на то, что он уже лет сто как не правитель Ротебурга, Юлиус нуждается в правдивой и точной информации. И, хотя все тяжбы народ несет в суд, перед тем они заходят за советом к нему, боясь быть обманутыми. Наш начальник налоговой полиции славиться справедливостью. И с честью поддерживает мнение о нем горожан.

– Могу ли я увидеться с ним лично?

– Конечно. Граф принимает у себя, в Зале Торжеств, по четвергам и субботам, после десяти вечера. Советую поболтать со стражей. Вас не пропустят, если не посчитают причину солидной.

Как назло, четверг был только завтра. От нечего делать, Лазарь пустился бродить по незнакомому городу. Он прошел по главной улице до Висельной площади, постоял там немного, оглядываясь на стены замка Ротмунд и решетку кладбища для преступников и чужеземцев Нолердэн, дворами пробрался на улицу Клозобер, мимо аптекарского домика на Базарную площадь, завернул в мясную лавку. На звон монет, брошенных на прилавок, из угловой комнатки выскочил красивый юноша с хрупкими, явно просвечивающими на солнце чертами лица. Он был бледен, словно две недели подряд ему не давали выспаться или он принял на себя все горести мира.

– Чем могу служить?

– Мне грамм триста ветчины.

Хрупкий юноша обратился к зеленой ширме в полутемной лавке:

– Отец, обслужи клиента!

Оттуда немедленно вышел мужчина в самом расцвете сил. Высокий, квадратный из-за чрезмерной ширины мускулистых рамен, то ли совершенно лысый, то ли бритый. В-общем, видок у Анри Клодена был пугающий, если еще указать на то, что руки у него в данный момент были буквально по локоть в крови, кровь стекала с кожаного фартука и капала на каменный пол. Он неспешно вытер ладони грязной тряпицей, выдал:

– Здравстье. Чего изволите?

– Триста грамм ветчины, – хладнокровный Лазарь спокойно повторил заказ, ничуть не смущаясь вида палача-мясника. Анри довольно хмыкнул, взял огромный нож и расчетливым ударом отрубил кусочек ветчины, бросил на чашу весов, уравновесил булыжником. Поймав недоуменный взгляд Лазаря, уверил его:

– Я клиентов никогда не обманываю в их надеждах. Эти камни заменяют мне гири, поскольку я не намерен покупать втридорога бронзовые слитки в Палате Мер! Это пустая трата денег. Эти камни проверены лично мной, по весу ничем не уступают и не превышают указанные гири, – буркнул палач и расцвел: – Может, еще и говядинки полкило возьмете?

– Нет, спасибо, – отрицательно покачал головой Посланник.

– Жаль, – искренно расстроился Анри. – А я думал, у вас аппетит проснется. У меня только свежайшие товары, мясо-то вообще парное!..

Но Лазарь уже покинул лавку.

– Всё из-за тебя, полудурок! – услышал он позади себя ругань и звук пощечины. – Что ты сказал приезжему господину, щенок?!

– Ничего, пап!

– 'Ничего, пап!' – передразнил Клоден-старший. – Не вздумай больше говорить с моими клиентами!! Наверняка, опять предсказывал будущее, хиромант-недоучка?!

– Нет, папа!

– 'Нет, папа!' – еще один шлепок. – Доиграешься с неведомым – Инквизиция заберет!..

Лазарь, тихо улыбаясь под сенью капюшона, направился к Южной заставе. Там он поужинал в трактире 'Под серебряной лозой', но появления Ротмунда не дождался. Возможно, он и был среди толпы орущих иноверцев, привезших в город масла, специи и ткани, но собравшиеся представляли собой такое разношерстное общество, что десятка два молчаливых субъектов, прячущих лица, в том числе и сам Лазарь, могли показаться искомым в широченном темном обеденном зале. Просидев до двух ночи, он поплелся в 'Веселящий шнапс' и, без приключений добравшись до постели, лег спать.

В то время, когда Лазарь ковырялся вилкой в купленной у палача ветчине и пил прокисшее вино в трактире, Улыш Ротмунд беседовал с доктором Хехтом. Вокруг города этой ночью были расставлены патрули. Усилена охрана на въезде. Некроманты не были местными, их лица никто не узнал, поэтому можно было не волноваться, что нынче они посмеют нагрянуть снова.

Начальник налоговой полиции города Ротебурга склонился над чем-то, на что указывал доктор. В комнате горели все светильники, какие только нашлись в доме, но не могли прогнать ночную тьму. Доктор Хехт всегда жаловался на недостаток освещения, особенно когда выполнял работу у себя дома. Больничное масло финансировалось городом, оперировать впотьмах Хехт не любил, а вот иногда приходилось. Он часто вспоминал университетскую лабораторию с ее искусно усиленным зеркалами светом, ровным и ярким, как в солнечный день, но соорудить у себя дома такую же не мог по причине дорогой стоимости зеркал нужной формы. Траты на свечи и ламповое масло были колоссальны, но распределялись равномерно на весь год. А заказать систему зеркал и стекол необходимой конфигурации – сиюминутно выложить кругленькую сумму. Потому Хехт бранился крепкими словами, сопел, отирал пот со лба, но ничего не мог поделать. Летом он предпочитал работать во дворе, но зимой или, как сейчас, в глухой ночной час, перебирался в комнату.

...– Вот видите это крошечное отверстие на груди? Оно практически бескровное. Ранение проникает в грудную полость. Сходные увечья на всех трех телах. Они задохнулись, потому что их легкие слиплись. Я вытащил из этого, – Хехт кивнул на труп, лежащий на столе, прикрытый сползшей на пол простыней, – кусочек свинца. Я ничего подобного раньше не видел. Предполагаю, что причиной смерти всех троих послужило то же самое.

– Но, Тома, как вы объясните, как внутрь тела попали эти кусочки, пробившие на своем пути кожу, мышцы, и если не ошибаюсь, в одном случае даже кости?... Где, по-вашему, древко стрелы? И кто додумался сделать наконечники из свинца?

– Это не стрелы, Юлиус. Отверстие обожжено порохом. Вы знаете, при короле Эльме с востока к нам завезли два удивительных орудия. Говорят, там, у восточных людей, при их помощи ведут войны. Порох известен нам, но он очень ценится, и приглашенные маги в дни празднеств пускают при его помощи красивые фейерверки. Я считаю, эти люди убиты при помощи таких маленьких орудий, выстреливающих свинцом. Это, должно быть, трубка, внутри которой взрывается подожженный порох, и свинец вылетает из нее под давлением, на большой скорости.

– Тогда убийца – приезжий. Здесь не умеют делать таких смертоносных вещей. Во всяком случае, я о подобном ничего не слышал.

– Пока я не держал в руках оружие, я не могу утверждать, местное оно или нет, но то, что оно удивительное – побьюсь об заклад на свой годовой заработок!

– Вот как? Вы поделитесь со мной вашими мыслями?..

– Да. Когда я осматривал тела на месте, я обратил внимание, что ранения, полученные в грудную полость, очень схожи. Как я уже сказал, края обожжены порохом. Это свидетельствует о том, что выстрел произведен с близкого расстояния. Орудия короля Эльма необходимо заряжать после каждого выстрела, а это долгая процедура – прочистить дуло, вставить снаряд, вставить заряд пороха, поджечь... Но тогда, напуганные убийством собрата, некроманты успели бы бежать или оказать сопротивление убийце. У нас имелся бы лишь один труп с подобным ранением. У нас их три, причем скорострельность оружия такова, что один убит выстрелом в грудь спереди, второй успел развернуться боком, а третий был настигнут, когда собрался бежать прочь, ранение с дорзальной стороны...

– Что ж, отличная машинка для убийства! – светло улыбнулся Ротмунд. – Если учесть, что их всего было трое – никто не сумел уйти.

– Откуда вы знаете, что их было только трое?

– Я тоже побывал там. На кладбище земля мягкая. Вечером шел дождь. Там следы четырех человек – трое убитых некромантов и непойманный убийца с чудесным оружием. Грязь хранит отчетливое описание того, что случилось. И картина не противоречит вашему рассказу. Это не была случайность. Убийца ждал их заранее. Они его сначала не заметили. Он вышел к ним, и они остановили свою 'работу'. Они долго разговаривали, а потом он их убил одного за другим. Он мог у них что-то украсть, ведь мы не знаем, было ли у них что-либо при себе.

– Я чувствую, вам интересно случившееся, – неодобрительно покачал головой доктор Хехт. – Может быть, Юлиус, вы знаете, кто убийца?..

– В тот день в город приехали Посланник Инквизиции и торговый караван из Абхаркгавада. Думаю, некроманты прошли с караваном, под видом купцов. Убийца либо их сообщник, либо... Мне не хочется, чтобы мои опасения подтвердились... Однако, завтра я жду гостя. Встретитесь с Орелием – передайте мои слова: я переживаю, что на земле Ротебурга в одну ночь чужаком совершено тройное убийство. И пусть люди Максимилиана, расследующие это дело, будут осторожны. И, если вы, Тома, еще не разболтали им свои подозрения насчет оружия убийцы – не говорите им. Ограничьтесь сухими фактами.

– Мне угрожает опасность? – брови доктора полезли на лоб.

– Пока вы молчите и строите из себя дубовую чурку – с вами ничего не случится. Это тело верните обратно, а вот два других я вам разрешаю сжечь. Некромантское тряпье сохраните. И упаси вас Бог до утра субботы пообщаться с Лазарем.

– Я постараюсь.

Они раскланялись, и Юлиус немедленно покинул дом Хехта. Без малого десятков лет назад, когда вчерашний студент-практикант Тома Хехт в старом залатанном пальто и с саквояжем появился в Ротебурге и искал работу, граф Ротмунд оказал ему протекцию и помог закрепиться здесь. Родители Тома были из соседней Лиции, из Косса. Когда родился Тома, в Лиции шла война, и они с маленьким сыном перебрались через Кергамол и Довнеле в столицу королевства Эрбенгот – Лот-Лореан. Некогда Эрбенгот слыл сильной империей, простиравшей свои владения дальше страны камров, но времена былого могущества миновали. Войска ушли даже из пограничных Нобера и Лиции. В голодный 1281 год, год засухи и пожаров, горели Зоссер, Довнеле и Лот-Лореан. Тома только-только зачислили в Университет, он, радостный, ехал сообщить родным, но вся его радость оказалась унесена ветром вместе с пеплом на еще горячем пожарище, оставшемся от их дома. Брандманн пожал плечами и покатиł водовозку, запряженную тощими пегими клячами, к соседнему, пылающему во всю, строению...

Тома задумчиво гляделся в свое отражение, намыливая руки и нещадно натирая их пемзой. За эти годы его юношеское округлое лицо осунулось. Челка черных волос больше не падала на по-мышинному бисерные глаза. Теперь он коротко стригся. Совсем коротко, и походил на солдата. Он и был солдат среди бесконечных уличных драк и вооруженных конфликтов,

резни в кабаках, пьяных побоищ. Он чувствовал себя иногда кукольным мастером. К нему приносили поломанные игрушки, он зашивал их, ремонтировал, что можно было починить, ставил на ноги, и они возвращались в свой игрушечный, заводной мир. С вдовушкой Мартиной они выезжали по воскресеньям на пикники, она уже давненько уламывала его жениться на ней, но он молчал и смотрел в небо. У нее было отличное приданое, великолепный дом с садом, а Тома совершенно не умел распоряжаться деньгами. Она и уговаривала, и требовала, Тома отвечал: 'да-да', обычно думая в этот момент о своих пациентах. Он часто спрашивал ее, почему они не могут народить детей просто так, без вступления в брак, без свадебной церемонии, гостей, угощений, священников? Она или начинала плакать и заявлять, что он ее не любит, либо делала большие глаза и называла еретиком. Очаровательная простушка! Тома избегал всего, что касалось божественного культа, не без оснований полагая, что храмы и церкви – еще один вид рабовладения, самый изощренный, потому что забирал в плен не тело, но сознание. Насквозь лживый институт по добыванию денег, бедняки, жертвующие на храм последние крохи, в надежде, что Бог поможет, – все это Тома ненавидел. Соседи привыкли к его поведению и списывали все на его иноземное происхождение. Жить вместе, рожать и воспитывать детей – это с удовольствием. Но быть почему-то за это обязанным Церкви – Хехт отказывался понимать. И воспринимать подобную идею всерьез. В нынешнем, 1299 году, ему исполнилось тридцать шесть, вполне зрелый возраст, а он все еще не был женат, не обзавелся семьей. Доктор угрюмо посмотрел на себя в зеркало, высушивая тщательно омытые руки расшитым звездами полотенцем (подарок вдовушки). Вспомнил обещание, развернулся к труп в черном балахоне, надел форменный коричневый плащ, кожаные перчатки и птичью маску, переложил неудачливого гробокопателя на носилки, позвал слугу. Рыжий прыщавый малый из Тюрига отозвался не сразу. Тома нетерпеливо двинул грубым ботинком в дверь. Та с грохотом распахнулась настежь, слуга вскочил, что-то бормоча, и, босой, выслушал поручение. Бесшумно и споро нарядился в коричневый плащ, нацепил маску, и они потащили носилки во двор, погрузили труп на скрипучую повозку.

Хехт стоял над погребальным костром, провожал взглядом взметавшиеся к небу языки пламени в красных и белых искрах. Он помнил, как гнусно пахнет жареная человечина. Черный смрад пожара 1281 года чудился ему в запахе костра, и вставали в клубах дыма призраки далекого прошлого. Неизвестно, что страшнее было в те часы, пока убитые превращались в обугленные скелеты, – увидеть недвижимую фигуру Хехта в птичьей маске или все же без нее?.. К пяти утра, когда слабенькая заря бледным лучом прочертила восток, все закончилось: в Нолердэне стало на две безымянные могилы больше, а тело некроманта лежало у стены часовни в точности там и в той позе, что и было найдено.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЦЕПИ ВЗАИМНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Маркус после прихода Лазаря закрыл ворота, закрыл двери часовни, закрыл ставни. Потом спрятал в чулан кувшин кваса и достал со вздохом бутылку самогона. Налил, поморщился, выпил. Поколебавшись, отставил кружку. Сидя за столом, перебирал бусины четок, прокручивал разговор с Посланником. Сами собой всплыли полустертые воспоминания о первых годах жизни в Ротебурге. Маркус был родом из крошечной деревушки около Цвилига. Там же он прожил до совершеннолетия, принял постриг и уехал в древнейший монастырь страны, в городе Атру, где проявил похвальное рвение к изучению богословских дисциплин. Острый язык и прямота взглядов не только помогли ему завоевать уважение, но и вызвали зависть и опасение, что молодой провинциал становится слишком близок престарелому Главе Церкви. Освободившийся пост настоятеля в приходе Ротебург оказалось как нельзя кстати, чтобы отвязаться от конкурента. Честолюбивый молодой священник Маркус проклинал братию атрусского монастыря весь нудный путь через горы, реки и леса до Тюрлагена. От Тюрлагена до Ротебурга он уже не матерился, забился в угол омнибуса и предался созерцанию

Хольфштаттской равнины пополам с мечтами о просветительской деятельности и духовном спасении заблудших детей нации.

Ротебург его приятно удивил. Особенно ему понравился аббат Иверис Проген из Вольфгартена. Тот очень обрадовался приезду молодого, сведущего в науках и теологии Маркуса, встретил как родного сына и надавал кучу советов о том, как лучше общаться с гражданами Города. Горожане отнеслись к молодому настоятелю приветливо, но опасливо – безбородый широкоплечий парень походил на королевского гвардейца больше, чем на монаха. Впрочем, его проповеди были понятны и привлекательны – простые люди видели в них ответы на свои насущные вопросы, образованным льстила тонкая ирония и красочные примеры при толковании священных текстов. Так что довольно быстро Маркус завладел симпатиями всех.

Он ждал, когда к нему явится граф Улыш Ротмунд. С первого дня, когда ему наболтал глухих баек Проген. Ждал долго. С замиранием сердца озирался вечерами на зазевавшихся прихожан. Гулял у замка Ротмунд, задира голову и смотрел на зубцы двойных стен. Ждал. Слушал сплетни. Ждал. Время шло. Он побывал уже на завтраке у председателя Совета, на обеде у судьи, на ужине у брандмейстера. Начальник налоговой полиции, неуловимый и таинственный, почти мифический граф-вампир, все не приходил. По всем законам жанра, они встретились в тот вечер, когда за обыденными заботами Маркус и думать забыл о навязчивом напряженном ожидании неведомого.

Был теплый летний вечер. Солнце село за горизонт, но небо еще горело на западе золотом и багрянцем. Светлые сумерки окутывали сад. Маркус запер ворота и прошел по дороге к келье, занятый мыслями. Он вздрогнул и остановился, краем глаза приметив узкий силуэт на обочине. Легкий ветер шевелил складки черного бархатного плаща. Замеченный, он шагнул навстречу, снимая капюшон. На плечи упали пряди серых волос, и алые глаза захватили Маркуса – всего, разом. Лучистые, пронзительные и мягкие, обворожительно-прозрачные. Глядя в них невозможно лгать. Они были полны спокойствия и безмятежности, внимания и... доброты?.. Маркус непроизвольно отшатнулся, сглотнул ком в горле.

– Добрый вечер, – граф низко поклонился. Маркусу показалось это смешным и старомодным. Он привык, что люди приветствуют друг друга едва заметным кивком или пожатием руки. – Простите, что не предупредил вас, что загляну к вам сегодня... Я – рыцарь Юлиус Ротмунд. Вероятно, вам уже жизнеописали в красках и меня, и историю становления Города, потому буду краток: прошу позволения познакомиться с вами. Горожане вас полюбили, а это многое значит. Я близко общался со всеми вашими предшественниками и, не скрою, пользовался их поддержкой. Мне чрезвычайно важно и почетно поговорить с вами о вас, ваших целях и вашем мнении о Городе. Если вы согласитесь уделить мне часть ночи на беседу – я буду счастлив. Если вам неприятен мой визит, и вы не хотите больше со мной видеться – я вас пойму и больше вас не потревожу.

– Ну, что вы... – засмущался сбитый с толку монах, собирая разбредшиеся мысли. – Заходите, поговорим, конечно...

Они присидели до утра. Не перебивая, Ротмунд слушал, кивал, изредка задавал вопросы. Главное, что его интересовало в новом настоятеле – его отношение к людям, к пастве. Он просил пересказать некоторые моменты проповедей, они обсудили избранные фрагменты святых книг.

– ...Я стараюсь быть наставником для горожан, донести до них слова великих истин, воспитать в них смирение и веру в будущее.

– Прежний настоятель предпочитал страшать их картинами Конца Света.

– Нет, ни в коем случае! – горячо запротестовал Маркус. – Страх – оружие Врага Господа. Любовь – путь, ведущий к спасению!

– Председатель Совета был у меня вчера в гостях. Он заставил меня поклясться, что я непременно навещу вас. Но он сказал больше – вы наделены свободомыслием. Местные жители склонны узреть в свободомыслии признак порока. Вы считаете себя порочным?..

Маркус не был готов к такому повороту беседы. Неожиданно, он густо покраснел.

– В частных рассуждениях вы оспариваете догматы веры. Вы отмечены здравым рассудком, пытливым и бунтарским. Вы не признаете двуличия в том, что ваши слова, обращенные к простым ремесленникам и солдатам сильно разнятся с тем, что от вас узнали председатель Совета и судья?..

Молодой священник задумался, как бы половчее ответить. Наконец, медленно выговаривая слова, возразил:

– Я стараюсь дать людям то, чего они более всего нас свете желают получить. Чернь тянется к свету истин, она слепо верует, а знатым горожанам, прежде всего, необходимо доказать необходимость веры.

– Ах, как складно! – неестественно восхитился Ротмунд. Впрочем, это могло и показаться Маркусу: в прозрачных глазах гостя не прятались ни ложь и ни язвительность. Улыбаясь, он плотно сжимал губы, вероятно, по привычке скрывать острые клыки. Потому мерещилось, что он улыбается по принуждению.

– Вы считаете это обманом? – осторожно нащупывал почву, вдруг ускользнувшую из-под ног, Маркус.

– Нисколько, – продолжал раздирать в улыбке бледное лицо граф. – Ведь вы действуете во благо?.. Ведь вы просто доступным языком растолковываете постулаты Веры?..

Маркус спросил себя, а так ли это на самом деле. И нашел разом в себе и оправдания, и упреки.

Ротмунд предугадал замешательство. Возможно, он даже рассчитывал на такой эффект. Он тут же поднялся, откланялся:

– Спасибо, что смогли перебороть себя и подарить мне этот чудный разговор. Если вы не против, я приду еще?..

– Да-да, конечно...

И начальник налоговой полиции ушел, оставив после себя страшный погром в мыслях и чувствах аббата.

Да, он вернулся на следующей неделе. И они вновь провели ночь в беседе о трактовке священных текстов, о праве указывать верующим их ошибки, об искажениях и неточностях, неизменно вкрадывающихся в речь и в восприятие речи слушателями. На этот раз Маркус был вооружен лучше, бойко отражал атаки, словно школяр, выучивший урок. И опять попал впро�ак к окончанию беседы. И снова обдумывал и взвешивал, оценивал свою недельную работу.

Маркус ожидал прихода графа как явления строгого экзаменатора, а предрасветного исчезновения – как знака, что ему отведена еще неделя на исправление ошибок. В какой-то мере, Маркус передал Ротмунду привилегии совести.

Эти беседы и развлекали, и пугали, но не могли оставить равнодушным. Они безжалостно рассекречивали изъяны и вытаскивали их на поверхность, исследовали и оставляли там распространять кричащее укором зловоние. Их нельзя было забыть, похоронить, их обязательно надо было исправить. Поначалу было трудно. Маркус с удивлением обнаружил, что атрусское учение превратило его в ленивого схоласта, и вновь вдохнуть жизнь в дряблое тело церковных постулатов, не повредив чистоте их изначального смысла, удавалось не всегда.

Однажды, два месяца спустя, Маркус завел речь о нравственности и границах общепринятых норм. Полуприкрыв веки, граф Ротмунд слушал его, ничем не препятствовал развитию мысли. Даже не задавал вопросов.

Маркус слышал отзвуки собственной болтовни и терялся в собственных предчувствиях. Он и не осмеливался быть откровенным до конца, и навредить завязывающемуся покровитель-

ственно-дружескому тону отношений, и нечаянно обмануть себя, выдав желаемое за действительное. Он осекся на середине нового предложения. Проямлил:

– Вы служили в армии. Вы должны знать.

Ротмунд светло улыбнулся после долгого молчаливого разглядывания лица Маркуса.

– Да, я помню... 'Любовь вместо войны'. Эта песня, кажется, до сих пор популярна?..

Маркус окончательно смутился. Проклял жадность души человеческой и тщательно избегал, обходил эту тему в дальнейшем. Да, до годовщины своего приезда в Ротенбург.

Маркус любил свою работу, свой приход. Он слыл образцом монашеского служения. Не пьянствовал, не злословил, соблюдал все посты и обеты. Был скромен, тих и прилежен в исполнении обрядов. Народ не радовался, так же как и аббат Проген из Вольфгартена. Только вот по Городу упорно ползали слухи, что, ой, не спроста он водит дружество с Ульшем Ротмундом. А, так как ни одна живая душа в Городе не ведала, чем они заняты каждую ночь на вторник и пятницу, плодились самые невероятные истории.

И вот, ровно через год, беседа споткнулась о старый камень.

– Скажите, Юлиус, вы когда-нибудь кого-нибудь любили?..

– Почему вас это интересует? – расслабленно отозвался граф.

– Вы невыносимо загадочны для меня. Кажется, целый год имею приятную возможность обсуждать с вами все на свете, а о вас до сих пор мне неизвестно почти ничего.

Ротмунд согласно закивал, устремив взор поверх глаз монаха, на каменную кладку стены.

– Вы верно говорите. Но мне не хотелось тревожить вас своими тяготами. Каждый человек имеет право не пускать к себе в душу чужие печали, и дело тут не в черствости и сухости, в нежелании понять другого. Вам по долгу службы приходится ежедневно освобождать людей от коросты грехов. К чему выслушивать еще и мои жалобы?.. Да я и позабыл привычку открывать людям свои думы. Я редко обладаю роскошью общения, вот так вот, запросто, без оглядки на то, что будут неверно истолкованы мои слова.

У Маркуса аж сердце заныло, потому что он чувствовал точь-в-точь то же самое!

– Вы, наверное, желаете насытить любопытство касательно моей частной... жизни? Сравнить услышанное с реальным положением дел?.. – терпеливо и неторопливо, в обычном темпе их ночных бесед, выяснял предпосылки Ротмунд, и его волшебные глаза искрились в свете лампы.

– Да, – не без труда согласился Маркус. – В какой-то мере я постоянно отмечаю, как перекликаются наши с вами взгляды, суждения, образ... жизни даже.

– Надеюсь, вы не находите в этом ничего дурного?..

– Нет, ну, что вы!

– Спасибо, – поблагодарил с поклоном Ротмунд. – Остановите меня, если я затрону вещи, кажущиеся вам неприличными. Я действительно обитаю в замке Ротмунд более четырех сотен лет. И за все это время у меня не было ни жены, ни наложницы в том смысле, как это понимают люди. Я отличаюсь от обычных людей не только обликом и запретами, установленными природой. Боюсь, мне незнакома любовь в человеческом ее эквиваленте – с ее обязательным половым влечением. Люди любят друг друга, чтобы зачинать детей, чтоб черпать удовольствие от интимной близости. Я не нахожу в соитии ни капли эстетического блаженства. Ко мне обращались многие, и смиренно просили, и угрожали. Я нравлюсь многим в Городе, но их влюбленность я принимаю только в виде ухаживаний и бескорыстной заботы. Мне противна животная слепая страсть. Я ее избегаю. Я не наивен; я смею утверждать, что знаю этот мир. Я говорю, что достаточно насмотрелся на людей, их хитрости и уловки. Не одни только женщины и девушки искали моего внимания, надеялись на взаимность. Некоторые мужчины и юные пажи клялись звездами и солнцем, что лучше умрут, чем услышат 'нет'. Однако, все они вынуждены были смирить свои порывы. Я не зря заговорил об этом, – глаза Ротмунда распахнулись и, просве-

ченные огнем лампы, поймали Маркуса с поличным. Монах вздрогнул, но замаскировать выражение лица не успел. Улыш мягко продолжил, как ни в чем не бывало:

– Я догадывался о многом. Я выбирал нужное время. Мне кажется, я дождался часа. Говорите.

– Целый год я не решался сказать вам это. Я боялся быть осмеянным и непонятым.

– Теперь вы убедились в моей чуткости?..

– Да. Но я смиренно прошу, скажите, на что я могу рассчитывать?

На этот раз Юлиус размышлял долго. Он сидел недвижимо с закрытыми глазами на каменном ложе. Брат Маркус, спрятав лицо в ладони, стоял в углу, боясь шелохнуться, спугнуть мысли гостя.

– Я не позволю больше того, что позволю. Можно целовать меня, трогать, но я запрещаю осквернять мое тело.

От сместившейся грани заповедного стало дурно. Маркус сел на прежнее место, обхватив руками голову, стыдясь посмотреть на благодетеля... или палача?..

– Вы хотели услышать мое решение. Что же вы?..

– Простите, я себе самому кажусь грязным существом и аморальным человеком! – взволнованно начал Маркус. – Как могу я проповедовать, будучи не лучше, а много хуже самого последнего преступника?..

– Не спешите обвинять себя, Маркус, – граф говорил, и слова цветами витражей распускались в темной келье – острые и ясные. – Я ничем не лучше вас. Право, мы стоим друг друга. Только вдумайтесь: каждый из нас, не сдерживай его опасение навредить установившемуся порядку, охочь до тела другого. Под маской рассудительности и бездействия я скрываю свою суть: я – зверь, всегда готовый насытить чрево кровью человека.

Лишь отзвучали жестокие, беспощадные по наготы вскрываемых причин, самоосуждения, и маска оказалась снята. Она приоткрыла оскал голодного хищника, не ведающего людской разумности. Но хищник был в узде и вызывал скорее жалость, нежели панический ужас. На секунду Маркусу почудилось, что морщины на белой коже складываются в сеть, неумолимо стягивающую разверстый рот, сшивающую его края, как хирург расправляется с раной. Еще мгновение – и ни тени борьбы, прежний рыцарь Юлиус приветливо и ровно говорил:

– Я не так красив, как может показаться. Моя сила – во взгляде, и только.

Он снял куртку, через голову стащил шелковую рубашку.

– Мне сложно вспомнить, когда последний раз я представлял перед кем-либо без одежд.

Маркус опомнился, резко подошел, сжал его худые руки. Граф улыбнулся по привычке одними губами. Привлек к себе. Отстраненно добавил, едва заметно покачиваясь, словно баюкал младенца:

– Тебе должно быть страшно, брат Маркус. Никто не желал бы стать ближе мне. Это опасно.

Обнимать его Маркуса почему-то не тянуло. Смертельная худоба, какой не увидишь даже у нищих и больных, синие узлы и линии вен, пролегающие под кожей – невольно отталкивали. Маркус освободился от невесомых уз, чуть медленнее, чем чтобы дать посчитать свой поступок проявлением пренебрежения.

Граф не удерживал его. Опустился на край каменного ложа, выжидательно подперев ладонью подбородок. Монах сделал вид, что ищет что-то в шкафу. Не издав ни единого возгласа разочарования или гнева, Ротмунд по-солдатски быстро оделся. Когда монах отвлекся от пустых закровов, то увидел невозмутимо ожидающего его графа за столом. Тот кивнул ему, приглашая присесть напротив.

– Я хочу просить ответного 'жеста доброй воли'. Пожертвуйте свою кровь. Будьте моим донором. Я не требую этого. Решите сами, как вам быть. Мне было бы приятно. В целом мире для меня нет больше ничего, что взаправду могло бы осчастливить меня, сблизить нас.

– Боже, Боже, в какую пропасть я сейчас падаю... – еле выдохнул Маркус, силясь уместить душевную боль в огоньке готовой погаснуть лампы. Его озарила спасительная идея: – Скоро рассвет. Если вы повремените немного, до будущей встречи, я обещаю поразмыслить над этим. Договорились?..

Маркус все еще сидел за столом, перекидывая пальцами бусины четок. Непроизвольно он дотронулся до белой тряпицы, которой была перевязана ладонь правой руки. Размотал, уставился на сухую стигму на тыльной стороне. Между собой, они с Юлиусом называли ее 'цветком', 'розой' и 'поцелуем возлюбленного'. Юлиус редко ею пользовался, всего лишь раз в год, но она упорно не зарастала и, что удивительно, не гноилась. Улика, за которую Лазарь продал бы душу, знай он ее значение.

Ах, как крепко они с Юлиусом были опутаны секретностью, они двое – прямо тайный орден! Церковь, гниющая изнутри, вобравшая в себя все земные пороки, и власть гражданская, опьяненная золотом, – обе хотели жить, во что бы то ни стало. Жить в роскоши, в лени. Они с радостью бы вступили в сговор, подвернись удобный случай. Когда улеглась незримая битва за Престол в Атру, братия немедленно обратила взор на восток. Ротебургский приход приглянулся многим, и кто-то ждал, когда появится возможность оттяпать лакомый кусок. Тут собственная распушенность сокрыта, и главное – пристыдить и публично ославить брата своего. А рыцаря Ульша четыре века спасала недоказанность употребления в пищу человеческой крови. Кровь домашней живности, изредка, преступников – неприятно, но терпимо. Общество может это простить и даже поставить в заслугу ('вот, де, у нас в Городе какая диковина...'). Прознают о полюбовном договоре с Маркусом – взвоят до небес первыми те, что полужадушенным шепотом по углам стенают о том, что как это Город позволяет себе содержать чудовище да еще распоряжаться ему налогами?!

Самое паршивое во всей этой истории – это то, что по большому счету, их странные отношения суть никого, кроме них, не касались. Смех смехом, но если бы это был заговор против Торговой Палаты или лично председателя городского Совета, при всплывшей информации, они могли рассчитывать на прощение хотя бы со стороны народа.

Восемь лет назад, в частной беседе, еще совсем молоденький доктор Тома Хехт, помещанный на всем, что связано с вампиризмом и долголетием Ротмунда, заинтересовался раной и, хотя Маркус отказался комментировать ее происхождение, высказал свои умозаключения и оказался прав. С той поры 'тайный орден' включал троих. Естественно, Хехт пообещал, что известное ему не выберется за пределы его дома. Не верить ему не было причин.

Маркус трепетно запеленал 'розу', встал и убрал в чулан бутылку самогона, вышел во двор ополоснуть кружку водой из родника. На небе играла нежными красками утренняя заря. Тишина окутывала Город вместе с туманной дымкой. Роса блестела на листьях сада. Маркус отпил глоток студеной воды, умылся. Кое-кто из Слуг Церкви уже пробудился. Вон заспанный Артебанд потягивается, собрался колоть дрова, печь хлеб. Маркус оставил кружку у родника и, приветливо улыбаясь, зашагал к нему, узнать, как спалось и не нужна ли помощь...

Лазарь проспал до полудня, затем принялся бесцельно шляться по Городу. Там, где заворачивает к северным воротам дорога на Лот-Лореан, Лазарь притормозил. Каменный серый дом, судя по облупившейся краске, бывший раньше и красным, и желтым, и синим, по описанию совпадал с жилищем доктора Хехта. Лазарь усмехнулся под капюшоном и направился к дверям. На стук нескоро отозвался ломающийся юношеский голос, вдобавок, с невыносимым ноберским акцентом.

– Че нада? – в двери со скрежетом открылось окошечко, и показались мрачные глаза, еле различимые за рыжими спутанными волосами. Причиной мрачности явно служил расчесанный прыщ на щеке.

– Господин Хехт дома?

– На дому не принимает, – свирепо ответил молодец. – Заболел – тащи свои мослы в больницу!

Хамоватый юноша уже собрался захлопнуть окошко, но поубавил спесь, когда увидел бумагу с зеленой печатью.

– Читать умеешь?

– Гм. Да.

– Господин Хехт дома?

– Никак нет. Они-с с Константином Клоденом ушли-с на вызов-с. Будут к вечеру-с.

– А к кому?

– Почему я знаю? – удивился парень. – Э, порасспрашивайте в больнице, может, туда заявится...

– А где больница?

– Ща выйдете и на главную дорогу, не сворачивая, мимо здания Ратуши, на площадь, слева кирпичная пристройка с деревянным крыльцом. Да там больные сидят, не перепутаете!

На этом помощник врача с лязгом затворил-таки ставню.

Посланник Инквизиции смешно почесался за ухом, но не последовал совету юного норберца. Вместо этого предпочел отобедать остатками ветчины на скамейке перед каким-то не то складом, не то сараем. У торговки купил свежую булку, водовоз утолил его жажду стаканом теплой, нагретой солнцем воды. Лазарь с удовольствием расположился на скамейке. Прямо над ним, на холме, в свете дня, высилась громада замка Ротмунд. Оживленная улица, битком набитая попрошайками, странниками, гуляющими горожанами, будто отсеченная мечом, пустела, чуть дорога поднималась на холм.

– Не угодно ли Посланнику посмотреть Город и послушать рассказ о его достопримечательностях? – тут же прицепился какой-то нищий. Лазарь с презрением покривился на его черное, пропахшее потом тело, на беззубый рот (бродяга в этот миг поймал и раздавил вошь) и, отрицательно покачав головой, снялся с места и двинулся вверх по дороге.

Шел второй час дня. Солнце припекало. Земля источала ароматы чего-то родного, полузабытого. На вершину холма ветер доносил звуки из района Гильдий и терпкие запахи с Базарной площади.

Стража перегородила вход, скрестив алебарды. Сверкающие шлемы, светло-серые с красным оттенком плащи. Ни пышных плюмажей, ни вышивок – вечных спутников городской стражи. На черных щитах – серп луны, песочные часы и капля крови.

– Добрый день, Посланник! – дружелюбно приветствовал Лазаря стражник, что казался чуть старше своего напарника. – Прошу меня простить, но без приказа начальства мы не имеем права вас пропустить внутрь.

– Что же мне делать?

– Каждые четверть часа комендант или его заместитель, капитан Криег, совершают обход постов. Вы подождите и поговорите с ними.

Лазарь послушно встал в сторонке. Через обещанные пятнадцать минут, когда часы на здании Ратуши прогудели перезвоном колоколов, раздались шаги, обмен паролями, бряцание оружия. В арке показался уса́тый офицер с синей повязкой на плече.

– Здравствуйте, – Лазарь продемонстрировал заветную бумагу, – скажите, когда я могу увидаться с рыцарем Юлиусом Ротмундом, почетным гражданином Города?

Прищурясь, офицер внимательно рассмотрел сопроводительный документ, перевел взгляд на владельца:

– Приветствую, Посланник. Я – капитан Криег. Здесь ждали вашего визита. Но, прежде чем вы попадете на прием к графу, прошу проследовать за мной.

Лазарь повиновался властному жесту капитана. Они минули четыре поста стражи, несколько служебных помещений за толстой крепостной стеной и остановились около цен-

трального здания. Внутри вели три двери. Капитан открыл крайнюю справа. Лазарь не без содрогания шагнул в полутьму. За дверью оказалось просторное помещение без окон, но, в целом, уютное, со столом и даже кроватью, застеленной медвежьей шкурой, мехом вверх.

– Это комната дежурного офицера. Тут мы с вами можем поговорить еще четверть часа, до следующего обхода. Вина налить? Вы что-то бледны, вам надо взбодриться...

Криег выудил из огромного сундука узкогорлый кувшин и головку отменного сыра, завернутую в кусок вощенной бумаги.

– Вы сказали, что меня ждут. Как мне понимать ваши слова? – уселся за стол Лазарь.

– Ну, когда столь важный гость приехал в Ротебург, нет ничего неожиданного в том, что однажды он решит посетить Ульша Ротмунда. За ваше здоровье!

Выпили, капитан расправил усы, причмокнул.

– Вообще, я привел вас сюда, чтобы без помех потолковать о правилах поведения в Замке.

– Я слушаю.

– Я сообщу о вашем приходе графу, вам не придется ждать до ночи.

– Он разве не спит днем?..

– Вроде, умный человек, а по части доверчивости – сущее дитя! – покровительственно проворчал капитан. – Да ни хрена он днем не спит, бредни это! Честно – я понятия не имею, спит ли он вообще, – перешел на шепот Криег. Громко продолжил: – Чтобы предупредить вопросы, скажу: граф очень честный и прямодушный человек. Я вижу вашу недоверчивую улыбку. Именно, человек! Не воспринимайте его как сказочного монстра или бесчувственного мертвеца. О, он вполне живой! Я свидетель того, что вся его жизнь – страдание и труд. Он вынужден скрываться от дневного света и избегать людского общения, но, видит Бог, я не знаю более достойного гражданина Города. Почет – малое, чем могли отплатить ему люди.

– Чем же он заслужил ваше уважение, капитан?..

– Он – старый воин. Его боевой опыт бесценен. Он сам тренирует замковый гарнизон, он не высокомерен и по-отечески добр.

– Люди графа живут отдельно, здесь, в Замке?

– Да. Мы и наши семьи проживаем под защитой крепостных стен.

– А в том есть необходимость? Вас не жалуют в Городе?

– Смотря, какой квартал Города вы имеете в виду. Жители Всадника благоволят нам – мы следим за порядком.

– А в остальных?..

– Везде есть люди, лояльные Ротмунду и нам, его верным слугам. Мои солдаты не участвуют в разбоях и пьяных драках, но мы и не полиция, не сыск.

Криег говорил с выражением спокойной гордости, отделяя замковую стражу от городских патрулей, как зажиточный крестьянин отличает себя от бедняков. Лазарь отметил мимоходом, что, в противоположность прочим горожанам, никто из увиденных в замке не носил никаких украшений – ни колец, ни серег, ни цепочек, тогда как не раз повстречавшиеся ему те же полицейские издали походили на новогодние деревья – все переливались от блеска самоцветов, не говоря уж об озолоченных купцах.

– Ваша работа оплачивается из казны города?

– Нет. Нам платит граф, раз в полгода. Мы служим за пищу, одежду, вооружение, кров.

– Сколько вы получаете?

– Триста талеров серебром.

– Откуда он берет эти деньги?

– Это доходы от поместья и продаж вина.

– Он – торговец?

– Нет. Однако, законами Города ему не запрещено вести дела. Поместье Блумберг находится в его собственности, но, естественно, всем заведует управляющий, господин Клоцц. Граф получает процент от прибыли. Кроме того, отчисляется часть из налогов. Мы несем службу не только в Замке; мы – постоянный гарнизон Ротебурга.

– Вы не подчиняетесь королевской власти?

– Мы служим вольному Совету, – капитан отдал честь, – но наш непосредственный начальник – граф Ротмунд. Потому Совету важно сохранять хорошие отношения с Ульшем.

– Да, я понял... (Нельзя кусать руку, что кормит!) А что насчет правил?..

– Не передвигайтесь по территории замка без сопровождения. В разговоре с графом не повышайте голоса. Не подходите к нему ближе десяти шагов. Я не прошу вас сдать оружие, если оно у вас имеется, но не пытайтесь пустить его в ход – нам придется передать дело в Суд, а вас препроводить в тюрьму.

– А как же самооборона?..

Капитан не успел ответить – часы на башне оповестили о прошедшей четверти часа, и Криег лишь погрозил пальцем и попросил еще чуть-чуть потерпеть.

На этот раз Лазарь прождал в одиночестве довольно долго. Наконец, Криег вернулся.

– Пойдемте. Я доложил графу. Ульш Ротмунд ожидает вас в зале.

Они вышли во двор. Солнце сияло в зените. Криег указал на центральную дверь. Лазарь решительно распахнул ее и ступил в темный коридор. Чуть дальше тускло горели застекленные лампы. На стенах были развешены гобелены. Лазарю захотелось остановиться и рассмотреть их, чудная тонкая работа притягивала взор, радовала и успокаивала. Вот фазаны чинно гуляют по волшебному саду, полному цветов и маленьких певчих птиц. А вот древняя битва. Уж ни Юлиус ли в центре сечи?.. Лазарь пригляделся – нет, не разобрать. Торопливо кинул взгляд в оба конца коридора и достал из-за пазухи широкий кожаный предмет. Он походил на собачий ошейник, только неизмеримо шире и короче. В кожу были вшиты металлические пластины. Он закрывался потайным замочком. Лазарь мысленно обратился к Богу за помощью, призвал силы и надел эту вещь на себя. 'Страж' плотно сел на шее, и Посланник почувствовал себя защищенным. Лазарь смело направился в полутемную залу. Смерти безмолвно прятались на его груди.

Не без внутреннего напряжения Лазарь подобрался к кругу света. Шесть факелоносцев словно статуи, не шелохнувшись, застыли у ступеней трона. Тот, кто ожидал прихода Посланника, был облачен в черную бархатную мантию, его лицо скрывал капюшон. Его голова склонена вперед и вбок. Он, что, спит?.. Раздался голос – глубокий, приглушенный и удивительно спокойный:

– Добро пожаловать, Посланник. Не скажу, что рад вас видеть, но мне интересно, с чем вы пришли.

Голова качнулась, сидящий выпрямился. Страшно худые, истощенные кисти рук узкими пальцами обхватили подлокотники. Жест был нарочито медлителен и лишен угрозы. Ладони легли и умерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.